

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/145-158

Научная статья

© С. А. Иникова

ДУХОБОРЦЫ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1760-Е ГОДЫ — КОНЕЦ XVIII в.). ЧАСТЬ I

Статья посвящена истории взаимоотношений секты духоборцев и Русской православной церкви в последней трети XVIII в., когда духовенство столкнулось с уже сложившейся религиозной организацией, о существовании которой стало известно после ее самораскрытия в 1768 г. Автор показывает причины, позволившие секте долгое время оставаться вне поля зрения Церкви. В статье рассматриваются два пути, которые проходили духоборцы после обнаружения их среди православных прихожан: возвращение покаявшихся отступников в лоно Православной церкви и передача упорствовавших в руки светской власти для наказания. Обращено внимание на механизм допроса-увещевания духоборцев, проводившегося православным духовенством разных уровней, и поведение во время его самих сектантов, а также проанализирована степень достоверности полученных духовенством в ходе допросов и увещеваний показаний. На конкретных примерах автор показал последствия либерализации законодательства, касавшегося религиозного инакомыслия в эпоху Екатерины II, и пришел к выводу, что духоборцы на допросах не только не скрывали свое учение, но пытались утвердить его в полемике с православным духовенством.

Ключевые слова: секта духоборцев, вероучение, Православная церковь, приходское духовенство, учительные священники, увещевание, церковные наказания

Ссылка при цитировании: Иникова С. А. Духоборцы и Православная церковь: история противостояния (1760-е годы — конец XVIII в.). Часть 1 // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 145–158.

Иникова Светлана Александровна — к. и. н., ведущий научный сотрудник, ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект 32а). Эл. почта: ovis2@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

* Публикация подготовлена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН. Тема: «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования».

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/145-158

Original article

© *Svetlana Inikova*

THE DOUKHOBORS AND THE ORTHODOX CHURCH: A HISTORY OF CONFRONTATION (1760^s — THE END OF THE 18TH CENTURY). PART 1

The article is devoted to the history of the relationship between the Doukhor sect and the Russian Orthodox Church in the last third of the 18th century, when the clergy encountered an already established religious organization, which remained unknown until its self-disclosure in 1768. The author shows the reasons that allowed the sect to remain outside the Church's field of vision for a long time. The article examines two possible outcomes for the Doukhobors after they were discovered among Orthodox parishioners: the return of repentant apostates to the bosom of the Orthodox Church or the transfer of the more stubborn ones to secular authorities for punishment. Attention is drawn to the mechanism of interrogation and admonition of the Doukhobors, conducted by the Orthodox clergy, and how the sectarians themselves behaved in response to it. The degree of reliability of the testimony obtained by the clergy during interrogations and admonitions is analyzed. The author uses specific examples to show the consequences of liberalizing the legislation concerning religious dissent during Catherine II's reign, and concludes that the Doukhobors not only did not hide their teachings during interrogations, but tried to affirm them in polemics with the Orthodox clergy.

Keywords: *Doukhor sect, creed, Orthodox Church, parish clergy, teaching priests, admonitions, ecclesiastical punishments*

Author Info: *Inikova, Svetlana A.* — Ph.D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: ovis2@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

For citation: *Inikova, S. A.* 2025. The Doukhobors and the Orthodox Church: a history of confrontation (1760^s — the end of the 18th century). Part 1. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 145–158.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Религиозное инакомыслие в России в XVIII в., как и в предыдущее время, неизменно встречало противодействие со стороны Православной церкви и государства, которые совместными усилиями искореняли религиозную крамолу. Но уровень жестокости применяемых ими методов существенно менялся в течение столетия в сторону их смягчения. Духоборческая секта, как организация, обладавшая сформированным вероучением, сложившейся структурой, единым управлением, долгое время существовала в глубоком подполье и стала известной только в конце 1760-х годов. Имеющиеся документы прямо и косвенно свидетельствуют, что отдельные случаи

обнаружения ее очагов в более ранний период не складывались в единую картину и не воспринимались представителями духовенства как некая угроза государственной религии и, соответственно, не приводили к серьезным расследованиям. Духоборческая секта «официально» заявила о себе в 1768–1769 годы, обратившись к верховной власти с прошением о свободе вероисповедания, и это привело к серии расследований, проводившихся со стороны представителей Церкви и светской администрации и продолжавшихся до начала XIX в. Открытое противостояние секты духоборцев и государственной церкви продолжалось более тридцати лет и, несмотря на небольшой по историческим меркам срок, этот период был необычайно важен в ее истории. Она вырабатывала тактику поведения, которой придерживалась в отношениях с Церковью и священством в повседневной жизни и экстремальных ситуациях, сплачивала свои ряды и избавлялась от нестойких членов. При всей важности эта сторона истории духоборцев практически не исследована.

Изучение позиции духоборцев и правил их поведения во время допросов духовными лицами является единственно возможным способом решения вопроса о степени достоверности исторических источников XVIII в. о вероучении секты, поскольку подавляющее большинство документов, которыми пользуются исследователи, — это результат работы дознавателей-ушесцевателей из духовных правлений и епархиальных консисторий. Статья призвана восполнить этот пробел.

Хронологические рамки работы ограничены периодом 1760-е годы — конец XVIII в. Это время царствования Екатерины II и принятия нового, более гуманного законодательства, касавшегося религиозных диссидентов, которое продолжало действовать до конца века и при Павле I. И это период активной деятельности секты, направленной на распространение ее учения. Воцарение Александра I (март 1801 г.) открывает новый период в судьбе духоборцев и их отношениях с Церковью.

Духоборческая секта была распространена на ограниченной территории: Тамбовская и Воронежская губернии, Земли Войска Донского; Слободско-Украинская губерния и Екатеринославское наместничество¹. Судебно-следственные дела 1760-х годов и до второй половины 1770-х годов относятся исключительно к Тамбовско-Воронежскому региону. Со второй половины 1770-х годов массовые следствия и суды над духоборцами переместились в Земли Войска Донского; Слободско-Украинскую губернию и Екатеринославское наместничество². Это было связано с разгромом тамбовско-воронежской части секты в 1768–1769 годах. Соответственно и архивные материалы, использованные в работе, касаются этих двух регионов.

Духоборцы — последователи учения о внутренней церкви, в культовой практике не признавали ничего рукотворного и видимого (храмов, икон, креста, таинств и т. д.), полагая, что все должно совершаться только духовно в сердце верующего, потому что и Бог, и человеческая душа, в которой запечатлелся божественный образ, духовны, и между ними не должно быть посредников, присвоивших себе право говорить и действовать от имени Бога. Учение о внутренней церкви вышло

¹ Тамбовская провинция входила в состав Воронежской губернии. С 1779 г. по 1796 г. преобразована в Тамбовское наместничество. С 1796 г. это Тамбовская губ. Слободско-Украинская губерния с 1765 по 1780 г. С 1780 по 1796 г. — Харьковское наместничество. Екатеринославское наместничество с 1783 по 1796 г., преобразовано в Новороссийскую губернию.

² Нельзя полностью исключать того, что отдельные судебно-следственные дела над духоборцами возникали в Слободской Украине и в Войске Донском в первой половине века и в 1750–1760-е гг., но документы или утрачены в годы ВОВ, или пока не выявлены.

из недр немецкого мистического богословия, было усвоено и распространялось некоторыми протестантскими сектами и, попав на русскую почву, было существенно дополнено народными представлениями и оригинальными элементами, выработанными духоборческими учителями. Духоборческое учение не имело точек соприкосновения с учением Православной церкви, потому что оно не откололось от православия, а сформировалось вне последнего. Духоборцы говорили о церкви и священниках: «Мы в ней святости не чаем, божества не заключаем. Она подобна огню и гнилости, всякой тленности. Кто ее благодворит, тот сам с ней в огне сгорит. Символ ваш — синод. Попы ваши — волки»; «а у них есть попы-наёмники, разложили они власы долгие, разогнали наших праведных свидетелей» (ЖК 1909: пс. 10, 140); и противопоставляли официальной Церкви свою идеальную во главе с божественным Священником: «Наша церковь построена ни в горах, ни в бревнах, ни в каменных стенах, а наша церковь построена в душах и сердцах человеческих, верующих и любящих Его»; «Церковь есть собрание христиан для искреннего моления Господу Богу нашему Иисусу Христу»; «Ходим мы в Божию церковь во единую, Божью, святую, соборную, апостольскую, которая есть собрание истинных христиан, ее же Господь Бог наш Иисус Христос явлением сам собрал, ее же осиял, осиявает, ее же украшает дарование Духа Святого. Священника себе имеем праведного, преподобного, не скверного, не злобного, который отлучен от грешников» (ЖК 1909: пс. 6, в. 21, пс. 20, пс. 74). Этим праведным и преподобным священником был руководитель секты, в плоти которого пребывал Бог Сын, первоначально принявший плоть Иисуса Христа, распятый и воскресший духом, и вновь избравший пречистую человеческую плоть.

Создавая в 1721 г. Синод и принимая Духовный регламент (ПСЗ 3718), Петр I законодательно подтвердил тот факт, что еретические и раскольнические дела должны находиться в ведении Синода. Прерогативой духовных органов являлось исправление еретиков и обращение их к благочестию путем увещания; а об отказавшихся исправиться следовало сообщать в Сенат, на который легла обязанность выносить о них «резолюцию», т. е. приговор (ПСЗ 3963, 3987). В арсенале Церкви в синодальный период оставались такие формы наказания, как отлучение (полное отлучение — анафема и частичное — запрещение) и публичное покаяние (Попов 1904: 203, 204).

О том, что насильственными действиями в борьбе с ересями должна была заниматься гражданская власть, еще более определенно было сказано в «Наказе губернаторам и воеводам и их товарищам» 1728 г.¹ После судебной реформы 1775 г. такими вероотступниками занимались нижние и верхние земские суды и расправы, палаты уголовного суда, но утверждали приговоры главы администраций, а самой высокой апелляционной инстанцией оставался Сенат. В «Уставе благочиния», принятом в 1782 г. (ПСЗ 15379: 481–482), религиозное преступление рассматривалось как преступление против общественного спокойствия и благочиния. Следствие и суд над еретиками и раскольниками в XVIII в. в разное время вершили Преображенский приказ, Тайная канцелярия, специально созданные следственные комиссии (по делам о хлыстах) и, конечно же, губернские, провинциальные и воеводские канцелярии, нижние и верхние

¹ В пункте «Наказа» под названием «О развратниках в вере» говорилось: «хотя церковные дела и искоренение раскольнических ересей в ведении святейшего Синода, а в епархиях — у архиереев», однако если появятся люди, которые будут отвращать людей от православной церкви и совращать «на другие законы или какия ни есть ереси», а губернатору или воеводе станет это известно, то таких людей «отсылать в Сенат за караулом» (ПСЗ 5333).

земские суды и расправы, но при всем том участниками проводимых следствий обязательно было духовенство. Оно же, как правило, выступало их инициатором.

При Екатерине II значительно выросла роль духовных увещаний, поскольку в указах императрицы, выступавшей против применения пыток к подсудимым¹, духовное увещание рассматривалось как инструмент, с помощью которого можно было избежать лишней жестокости и кровопролития во время следствия. Императрица в начале своего царствования показывала себя достойной последовательницей французских просветителей Вольтера, Дидро, Монтескьё, Д'Аламбера и в 1767 г. обнародовала свой «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения», в котором в статье 496 был изложен новый для российского общества взгляд на религиозное инакомыслие: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца, и отводит их от заматерелого упорства <...>». А в следующей статье говорилось: «Надлежит быть очень осторожным в исследовании дел о волшебстве и о еретичестве. Обвинение в сих двух преступлениях может чрезмерно нарушить тишину, вольность и благосостояние граждан, и быть еще источником безчисленных мучительств, если в законах пределов оному не положено» (ПСЗ 12949: 275–276). И хотя «Наказ» не имел законодательной силы и заявления императрицы носили в большой мере декларативный характер², но не считаться с ее пожеланиями ни светской, ни духовной власти было невозможно.

* * *

После обнародования в 1767 г. «Наказа» духоборцы стали вести себя значительно смелее. Жители разных селений Тамбовской провинции и Воронежской губернии, отступившие от православия еще до обнародования «Наказа» и из страха исполнявшие установления церкви, вдруг прекратили это делать, стали выказывать неуважение к святыням и священству, а если приходили в храм, то не участвовали в общем молении: не подходили к кресту, иконам, не налагали на себя крестное знамение. И это были не отдельные редкие случаи. Протестные действия духоборцев в 1767–1768 годах не были случайными: их целью было добиться реализации обещанной императрицей, как это было понято духоборцами, свободы вероисповедания.

Приходские священники вынуждены были реагировать на активность вероотступников и начать писать рапорты в духовные правления и консистории, и число духоборцев, оказавшихся в тюрьмах, быстро увеличилось. Но даже тогда никто из духовенства не предполагал, что имеет дело с организованной, достаточно разветвленной религиозной

¹ Уже 2 декабря 1762 г. вышел указ «в пытках по делам поступать со всяким осмотрением, дабы невинные напрасно истязаны и напрасного кровопролития не было» (ПСЗ 11717: 124). В указе от 10 февраля 1763 г. предписывалось с начала следствия убеждать преступника дать признательные показания, и если он сознается, то не пытать и даже пристрастных расспросов уже не делать (ПСЗ 11750: 155), а появившийся следом 17 февраля еще один указ повелевал добиваться от преступника признания «больше милосердием и увещанием», чем строгостью (ПСЗ 11759: 162).

² Декларативность заключалась в том, что право распространять учение оставалось исключительно за Православной церковью, а «дозволение верить по своему закону» допускалось только в том случае, если этот закон не противоречил учению Православной церкви. Кроме этого, несмотря на либеральные высказывания, императрица не отменила очень жестокие наказания за религиозные преступления, законодательно зафиксированные в Уложении 1649 г. (ПСЗ 1) и указе 1684 г. «О наказании разсевающих и принимающих ереси и расколы» (ПСЗ 1102), а также в «Артикуле воинском» 1716 г. (ПСЗ 3006: 320–322).

сектой. Духоборец Иван Назаров, в 1760-е годы живший в с. Рассказово Тамбовской провинции, спустя почти 30 лет вспоминал об этом времени, что после вступления в духоборческую секту, «редко начали мы ходить в церковь, исповедываться и причащаться святых тайн, что заметив, духовенство представило начальству, почему взяты мы были для изыскания в консисторию и содержаны с год» (ЦГИАУ 1: 2436, 6 об.).

Усиление репрессий со стороны духовных и светских властей давало духоборцам основания обратить внимание императрицы на их положение. Руководитель секты Ларион Побирахин, нелегально живший в с. Горелое Тамбовской провинции, принял решение об отправке в Петербург в 1768 г. двух deputаций, которые должны были убедить императрицу в правильности их учения и образа жизни, добиться освобождения из тюрем единомышленников, получить разрешение на свободное отправление богослужения и даже права на представление собственного депутата в Уложенную комиссию (Иникова 1997: 44). Первая депутация из шести однодворцев, вполне благожелательно принятая в Петербурге, в беседах с еп. Тверским Гавриилом (будущ. митр. Петербургский) настолько осторожно изложила свое учение и свои пожелания, что епископ «в их мыслях о нашей православной церкви укорительных мнений<...> не приметил, а только сумнения о некоторых обрядах» (РГАДА 2: 282), и пришел к выводу, что они единственное не хотят исповедоваться и причащаться у своих приходских батюшек, и надо разрешить им выбрать «трезвых, учительных и кротких» священников в других приходах, а приходским пастырям оставить исполнение треб. Тамбовский еп. Феодосий и Тамбовская воеводская канцелярия с большим сомнением отнеслись к советам, данным им секретарем Екатерины II И. Елагиным относительно духоборцев, и не спешили их выполнять. Более того, гонения на вероотступников, которые продолжали отказываться исповедоваться и причащаться у православных священников, усилились и вскоре духоборцы обнаружили, что их положение только ухудшилось. Вторая депутация в Петербург представила для передачи императрице «Объявление», в котором были описаны основы духоборческой веры и изложены конкретные случаи притеснения их священниками и местными светскими властями. Самораскрытие секты положило начало следствию, проводившемуся тамбовскими консисторией и провинциальной канцелярией, которое совершенно неожиданно выявило более 300 вероотступников (с членами их семей).

Кажется сомнительным, чтобы секта так долго и успешно скрывала свое существование. Однако, во-первых, подавляющее большинство духоборцев до обнаружения «Наказа» и даже после него посещали церковь и пускали в свои дома священников с образами. Кроме того, длительное тайное ее существование стало возможным благодаря бездействию части приходского духовенства, которое, несмотря на строгие законы, предписывавшие следить за пребыванием населения в православной вере, этим законам не следовали. И такая ситуация была как до 1768 г., так и после.

В обязанности приходских священников входило ведение исповедных книг (ПСЗ 4052; 12483), где они фиксировали всех, приходивших на исповедь и принимавших причастие, и должны были сообщать своему начальству об отступивших от благочестия, но некоторые этого не делали. Возможно, писать рапорты им было затруднительно или просто лень, а возможно, они не хотели портить отношения с односельчанами. Надо отметить, что приходские батюшки не знали сути ереси и не представляли степени ее опасности для православия.

Духоборцы же под разными предлогами старались как можно реже бывать в «рукотворенной», как они говорили, церкви, или вовсе не бывать в ней¹, избегали исповеди у священников, поскольку исповедовались самому Богу, а приобщались божественных духовных тайн не поеданием хлеба и вина, а получением их духовно от Господа во время своих богомолений. Шестеро духоборцев, входивших в первую депутацию в Петербург, по показаниям односельчан, и до 1768 г. не бывали в церкви, а один из них — «много годов». Двое из этих духоборцев четыре года, т. е. уже в 1764 и 1765 годах, не допускали в свои дома священников со святынями (крестом, иконами, святой водой) (РГАДА 2: 274–279). Духоборец с. Подгорное Гваздынской округи Тамбовского наместничества Кузьма Турцов семь с лишним лет не появлялся в церкви, пока в 1782 г. это заметил священник (ГАТО 3: 2). В 1783 г. началось дело о группе дворцовых крестьян, которые проживали в с. Кулеватово, а один — в с. Гумны Моршанской округи Тамбовского наместничества. Если первые не были на исповеди и у причастия только два года, правда, староста и соцкий показали, что, даже бывая в церкви, они «знамения не возлагали, святым образам не поклонялись», то крестьянин с. Гумны, по словам старосты и жителей села, не был в церкви десять лет. Приходские священники обоих селений неожиданно заявили, что эти люди из Кулеватова и даже крестьянин из Гумен не исповедовались и не причащались только в 1782 и 1783 годах. Суд, конечно же, поверил священникам, сочтя, что следует «увериться на показании отцов своих духовных, а не мирских скасках, ибо сей долг возложен доносить, кто не исповедывается и святых тайн не приобщается, единственно всякаго селения на священников» (ГАТО 2: 45 об.). Очевидно, что священники дали ложные показания, опасаясь наказания.

На недавно включенных в состав империи землях Новороссии и отдаленной от центра территории Слободской Украины духоборцы были еще менее подвержены контролю духовных и светских властей и по многу лет тоже не посещали церковь или изредка заходили, чтобы показаться священнику, а иногда приходили и демонстративно не участвовали в общей молитве. В 1788 г. во время торжественной литургии в храме с. Береки Славянского уезда Екатеринославского наместничества по случаю рождения великой княжны Екатерины Павловны большая группа духоборцев — 21 человек обоего пола — не делали коленопреклонения, не налагали крестного знамения и не подошли к кресту (РГИА 8: 3). В 1789 г. «по доносу приходского священника» с. Большие Проходы Харьковского уезда Слободско-Украинской губернии духоборцы этого селения были отправлены в Харьковскую нижнюю расправу за «выговорении на церковь и святые тайны» всякой хулы; и тут выяснилось, что они «лет по пять, по десять и по пятнадцать не были у святого причастия» (ЦГИАУ 2: 4). По указу Сената от 30 сентября 1765 г. такие люди подлежали тюремному «на некоторое время» заключению и церковному покаянию, но по Манифесту от 28 июня 1787 г. духоборцев Больших Проходов освободили от наказания, взыскав в казну штраф по 5 коп. с каждого (ПСЗ 12483; ПСЗ 16551; ЦГИАУ 2: 5). Были случаи, когда дети духоборцев 16–18-ти лет оказывались некрещеными и приходские батюшки об этом не ведали.

Тяжелее всего для духоборцев был приход священников в их дома во время праздничных обходов селений с иконами и святой водой, когда их вынуждали под-

¹ Для того чтобы священники не заставляли ходить в церковь, несколько семей духоборцев с. Охочее Екатеринославской губ. в 1782 г. даже записались в раскол (объявили себя старообрядцами) (ЦГИАУ 6: 1). Раскольники до ноября 1782 г. платили двойной подушный оклад.

ходить к кресту и под благословение священника. К 1768 г. относится случай, когда трое духоборцев с. Солдатская Духовка Тамбовской провинции на Святой неделе не пустили к себе в дома священника с крестом и святой водой и «озартно говорили, не только для молебнов и ни с какою потребою пускать не будут, при том и святым образам покланения не учинили, но заперли ворота» (РГАДА 1, д. 2287: 24). После этого один из духоборцев хотел побить дубиной присланных к нему тем же священником церковников с крестом. В 1774 г. духоборец из с. Кривополянье Тамбовского уезда не пустил в дом священника, пришедшего с молебном в честь престольного праздника Николая Чудотворца (РГАДА 4, д. 1337: 3). В Пушкарской слободе Тамбова в 1777 г. духоборец Степан Лоскутов не пустил в свой дом священника и дьякона, пришедших отслужить молебен в честь праздника Троицы (РГАДА 4, д. 1405: 1).

Иногда, даже пустив в дом священника, духоборцы после молебна демонстративно не подходили целовать крест и под благословение. В 1776 г., когда на праздник Крещения священник с. Сядемки Шацкого уезда Тамбовской губ. обходил дома прихожан со святой водой, крестьянин-духоборец этого села Ефим Титов схватил ковшик и, зачерпнув святой воды, вылил ее на священника и крест (РГАДА 1, д. 2521: 2).

Случаи демонстративного протеста духоборцев против церкви, ее святынь и обрядов обычно сопровождались «еретическими» высказываниями: крест называли щепой, иконы — досками, церковь — сараем, хлевом. В первой половине века такие действия были бы квалифицированы как богохульство, святотатство и оказательство неуважения священнику, а, возможно, и мятеж, и карались бы смертной казнью. При Екатерине II за это не казнили, но таких людей, отказавшихся покаяться, ожидали служба в армии, каторга или ссылка. Наиболее фанатичные духоборцы вели себя порой безрассудно, хотя знали, какая участь постигла их единоверцев в результате процесса 1768–1769 годов¹.

Приходское духовенство, видя демонстративное неподчинение духоборцев, не скрывавших свое презрение к ним, обычно реагировало на подобные действия далеко не по-христиански. Особенно это противостояние обострялось в праздники, когда население, включая священников, было изрядно выпившим и нередко батюшки вламывались в дома духоборцев с толпой пьяных мужиков. Отличавшихся трезвостью духоборцев особенно раздражало то, что священники приходили к ним в неподобающем виде. Еще в письменной жалобе императрице в 1768 г. четверо духоборцев из второй депутации акцентировали внимание на том, что обижавшие их попы были «в пьяном образе». Каждый из жалобщиков описал случаи притеснения его или его единоверцев попами из Воронежа и Козлова Воронежской провинции, сел Горелое, Солдатская слобода, Рассказово Тамбовской провинции. Двое священников на улице требовали, чтобы духоборцы подошли под благословение, а за отказ, как писал Игнат Большев, «тот поп меня ударив в рожу едва я мог на ногах устоять», да еще угрожал, что отправит в консисторию «да не так, как прежде, топерь де ты и кнута урвешь» (РГАДА 2: 292 об.). Другой батюшка требовал, чтобы на Святой неделе его впустили в дом духоборца с. Горелое с образами и разбил дверь, окна, побил хозяйку, а еще один приходской священник заставлял духоборца Лысых Гор молиться образам, а за отказ

¹ По приговору Сената от 20 мая 1769 г. годные к военной службе мужчины с 15 лет и до старости были отправлены в армию, негодные — на крепостные работы; жены их должны были следовать за ними на правах солдатских жен, а детей до 5 лет забрали в сиропитательный дом, мальчиков с 5 до 15 лет отдали в гарнизонные школы, а вдов и девиц раздали православным на перевоспитание. (Высоцкий 1914: 84–85).

и объяснение, что Бог это дух и слово, а образа — дело рук человеческих, был бит (РГАДА 2: 293 об., 294). Проблема пьянства была не выдуманной духоборцами: этот порок, действительно, был распространен среди части приходского духовенства, а где пьянство, там и драки, и духоборцы очень часто в челобитных и во время следствий указывали на эту неприглядную сторону жизни священства, доказывая, что не могут исповедоваться таким пастырям и принимать из их рук причастие.

Иван Суздальцев и Иван Назаров из второй депутации описали не просто случаи притеснений, а совершенно безобразного унижения человеческого достоинства. В Солдатской слободе несколько человек духоборцев в первый день Пасхи решили все же прийти в церковь и требовали показать им «Бога живого», но после утрени поп велел вытащить их на улицу, бить, а потом привязать к колонне, где они и простояли до окончания обедни, за что попа осуждал его же брат — тоже священник. Второй случай произошел в Заворонежской слободе г. Козлова: пьяный поп с такими же пьяными мужиками заходили в дома духоборцев, били женщин и мужчин, а затем за волосы притащили их в церковь, где и заперли на ночь, а по утру секли «прутьями смертельно», в том числе женщин и девок, «заворотя подол» (РГАДА 2: 294, 295 об.). Авторы указали, что в трех случаях в ответ на притеснения духовными и светскими лицами ими были поданы письменные жалобы в воеводские канцелярии. Очевидно, духоборцы рассчитывали, что письменная фиксация этих инцидентов позволит высшей власти при желании удостовериться в правдивости изложенного ими. С некоторой натяжкой, но все же можно говорить о попытке руководителей секты создать «доказательную базу» для борьбы с религиозной нетерпимостью духовной и светской власти на местах.

* * *

Поскольку священники не всегда реагировали на появление в их приходах отступивших от благочестия прихожан, следствие иногда инициировали старосты и сельские выборные или даже жители селения. Был даже случай, когда еп. Архангельскому Вениамину в 1786 г. на сына, совращенного ссыльными казаками-духоборцами, донес родной отец (РГИА 3: 21). Четко установленного порядка, куда в первую очередь надо отправлять вероотступника и кто должен его допрашивать, не было. Это в большей мере зависело от того, кто инициировал дело и чье ведомство: светское или духовное, посылало команду, чтобы арестовать провинившегося. Мирские люди могли обратиться как в духовное ведомство, так и к гражданской власти. В последнем случае отступивших от правил церкви доставляли вначале в воеводскую или провинциальную канцелярию, после реформы 1775 г. — в нижний земский суд, а уже откуда их отправляли в духовное ведомство.

Нередко духовное ведомство посылало священника в канцелярию или суд для участия в допросе, чтобы священник убедил подсудимого говорить правду, а заодно задал ему вопросы по своей части. Так, присланные в Харьковскую нижнюю расправу в 1789 г. духоборцы с. Большие Проходы, «с увещанием священническим в их преступлении спрашиваны» (ЦИИАУ 2: 4). И наоборот, депутата от канцелярии или заседателя земского суда приглашали в духовное правление или консисторию, где «учительные священники» вели допрос в присутствии «депутата от светского начальства по приложенным вопросным пунктам», как это было в 1791 г. когда священник по

заданию духовного правления допрашивал духовборцев г. Славянска (ГАВО: 2). Такие совместные допросы, перемежавшиеся с увещаниями, были обычным делом.

Духовных лиц в документах нередко так и называли — следователями, а беседа — допросом. Словенский архиеп. Никифор в рапорте в Синод 1786 г. докладывал, что «по довольном от показанных следователей увещании», имея в виду священников, некоторые духовборцы с. Богдановка остались непреклонны (РГИА 4: 1 об.), а в рапорте протопопа Иоанна Сулимы и благочинного священника в Константиноградское духовное правление в 1791 г. их беседы с духовборцами г. Славянска назвались не иначе как допросами (ЦГИАУ 3: 10–14).

Длительность таких допросо-увещательных бесед не регламентировалась. В документах встречается формулировка: «по довольном увещании спрашиваны и показали», или «с растолкованием им законов божия и государственного довольно увещаемы были» (ЦГИАУ 4: 5; ЦГИАУ 1, д. 1726: 15 об.). Упомянутый выше Иван Назаров сидел в консистории год, и это не было исключительным случаем, а такой срок — предельным.

* * *

Провозглашенные Екатериной II после ее прихода к власти новые либеральные начала в судопроизводстве не сразу вошли в практику духовных ведомств: там по-прежнему допрашивали не только с увещанием, но и с плетью, и держали узников в консисторских тюрьмах в кандалах. Духоборец Игнатий Болычев так описывал увещание его с товарищами в Воронежской консистории: «В 1765-м году в мае месяце будучи я, именованны[й], в предписанном городе Воронеже в доме у братьев своих единомышленных и имели свидетельство между собою о слове Божии, не зная какого виду и умыслу, спустя от того время с неделю, пришед ис консистори[и] от преосвященного разсылщиков команда и забрав как братию мою, так и меня, именованного, в ту консисторию, и держали в цепях и кандалах многое время, и чинили мне и протчим при присутствующем члене архимандрите Еврасии разные допросы, и спрашивали у нас, какой ереси учились, на что мы ответствовали, что мы ереси никакой не учились, только имели чтение книг слова божия, по сему нас трехкратно, иных и более, били плетью <...>» (РГАДА 2: 292–292 об.).

После «выбивания» признаний в консистории, духовборцев отправили в Воронежскую губернскую канцелярию для наказания за то, что они читали и толковали Новый завет, экземпляр которого нашли у них при обыске. Больше предъявить им было нечего. В канцелярии, как писал Болычев, «наказали нас плетью на площади публично и нещадно, единственно только по представлению ложному от предписанной консистории» (там же: 292 об.).

Подобное истязание духовборцев в Воронежской консистории было, очевидно, не единственным и не последним, поскольку Синод по требованию Сената обратился ко всем подведомственным ему местным духовным властям с указом от 19 февраля 1773 г. В этом указе предписывалось всех, подлежащих духовному суду людей, требовать в консисторию «со всевозможным осмотрением и осторожностью», чтобы не притеснить тех, кто не виновен и «не произвести бы существительнаго виду инквизиции». Доставлять впавших в заблуждение в духовные суды следовало при участии светских команд (а не «команд разсылщиков» из консистории) и при депутатах (от

гражданских ведомств), но тоже «со осмотрением и осторожностью»; доставленных же туда «допрашивать и следовать», «не чиня им телесного наказания и угроз, но употребляя вместо того одно только пристойное к отвращению от заблуждения их увещание» (Общее приложение 13948: 6–8).

Причиной инициирования Сенатом этого синодального указа послужило следствие о группе из девяти духоборцев, арестованных в 1772 г. на городской площади в Воронеже. Эти люди вели разговоры о вере и пели псалмы (Высоцкий 1914: 40–49). Видимо, в Воронежской консистории к ним по старинке применили телесное наказание, что и послужило причиной появления указа 19 февраля 1773 г.

Оставляя духовным судам право «допрашивать и следовать», светская власть все же настаивала на соблюдении «пристойности», чтобы всё выглядело прилично. Оставшихся непреклонными следовало тотчас отсылать в светские организации «для надлежащего об них по законам рассмотрения», а не истязать в духовном ведомстве.

Надо отметить, что указ подействовал. Когда в феврале 1776 г. еп. Воронежский Тихон узнал, что среди донских казаков появилась «ересь иконоборская», он велел своей епархиальной консистории послать указ в Черкасское духовное правление, чтобы оно, «не восчиняя следствия, пристойным образом наведавшись, что то за новая ересь, сколько оною зараженных и от каких людей оная появилась», прислали ему рапорт (РГИА 2: 1). В декабре 1776 г. еп. Тихон сообщил об этой быстро умножавшейся секте в Синод, который постановил, чтобы преосвященный не занимался следствием, а Синод сообщит о деле светской власти, которая и займется пресечением умножающейся секты с помощью команд (РГИА 2: 4–4 об.).

Синод хотел переложить на Сенат эту проблему, однако, заслушав в январе 1777 г. введение Синода, сенаторы обратились к «Наказу» императрицы и указали на статьи 496 и 497, процитировав их и напомнив, что «не примечается удобства чрез светские команды доставлять вспоможение, ибо содействие оных возможно произвести упоминаемые в Наказе вредные следствия». В качестве наилучшего способа борьбы с ересью Сенат посоветовал Синоду послать в те места, где есть иконоборцы, «искусных, кротких и благоразумных священников», чтобы они словом Божиим вернули заблудших на путь истины, поскольку власть может подчинить, но не духовно исправить (РГАДА 3: 5–5 об.). Сенату, несмотря на попытку снять с себя ответственность за судьбу казаков-иконоборцев, все равно пришлось заниматься этим вопросом (Иникова 2023: 220).

Екатерина II, несмотря на статьи «Наказа», процитированные сенаторами, отнюдь не была противницей отправления на постой в селения, в которых обнаружались вероотступники, воинских команд. Во время следствия по делу о тамбовских духоборцах 1768 г. она повелела воронежскому губернатору Маслову ввести небольшие воинские команды в те места, где жили вероотступники, «ибо сим уже испытанным средством таковых развращенных мыслей людей, совсем почти от раскола, а паче от развращенного вранья, в некоторых селениях мы отвратили» (РГАДА 1, д. 2287: 4 об.).

* * *

Первичный сбор сведений о секте и первые увещания обычно производили приходские священники. Судя по содержанию рапортов, они мало вникали в суть учения духоборцев и больше обращали внимание на внешнее проявление раскола: нехожде-

ние в церковь, отказ от поклонения иконам, кресту, крестного знамения, непочитание священников. Что касается увещаний, то у приходских батюшек не было опыта в таких делах, а часто и желания ими заниматься. Им было проще попытаться запугать или физически принудить отступников вернуться в православие, чем объяснять и уговаривать. Даже с теми, кто отрекся от ереси, и кого надо было «утвердить в вере», приходские священники часто были грубы и неумелы. Духоборцы с. Береки Славянского уезда в 1792 г. жаловались на священников, которые «сурово и жестоко с ними поступают и всегда брань и бои причиняют» (РГИА 6, д. 328: 3). Священник с. Салтовское Терновое Харьковской округи в 1798 г., «приводя к правоверию, заставлял креститься и кланяться Спасителевой иконе», но духоборцы отказались, заявив, «что хотя 20 лет увещевай нас, то не будем верить» (РГАДА 1, д. 3071: 123 об.–124). Каждый раз после попытки вернуть духоборцев в лоно Церкви, последние получали дополнительные аргументы, чтобы разорвать с ней все отношения.

Для допросов и увещаний в духовных правлениях и консисториях были кандидатуры, известные своими познаниями в богословии, из числа городских священников, благочинных, архимандритов¹. В 1780–1790-е годы эти люди стали обычно выезжать на места, особенно, если группа отступников была многочисленной. В доношении еп. Тамбовского Феофила в Синод от 28 декабря 1790 г. подробно изложено, как все это действо происходило. Епископ послал протопопа г. Морши и священника — «оба учёные, с инструкцією» — увещевать и допрашивать впавших в ересь (духоборчество) ясашных крестьян-мордву дер. Старое Бадиково Спасской округи. С увещевателями для их безопасности был послан от наместнического правления депутат Спасского нижнего земского суда. Перед учеными священниками была поставлена задача «помянутых отступников обстоятельно спросить и изведать: 1-е какия побудительныя причины им были отстать от церкви; 2-е кто причиною был отвращения их от церкви и приведения их в бездельную и неслыханную ересь; 3-е в чем состоит сия их ересь и кто ея начальник; 4-е давно ли они научены сей ереси; 5-е бывали ли они у исповеди и святаго причастия». Потом надо было их увещевать, чтобы они обратились к Церкви, причем «сие учинить при собрании мирском». Ученые священники доложили после возвращения, что собравши отступников, «со увещанием их спрашивали при мирском собрании, и они показали: побудительную де причину отстать от церкви имели они ту, якобы в ней нет спасения», и рассказали о сути своей ереси. Своим учителем духоборцы назвали отставного солдата из дер. Лумбор, который разъезжает по селениям и неизвестно, где живет. «<...> протопоп и священник употребляли им увещание, на которое они, согласившись, положили крепкое намерение от такового заблуждения отстать и обратиться к Православной церкви, все ея установления свято почитать и хранить, и так, как повелевают правила святых отец, вести свою жизнь даже до последней кончины и поучениям духовника своего повиноваться, а на прежния пустоты не возвращаться, и лжеучителей таковых никаких не слушать, нежели где о таковых узнают, объявлять обязуются по команде куда надлежит» (РГИА 5: 1–1 об., 2). Этот допрос, увещевание и тут же последовавшее раскаяние на миру выглядело как публичное покаяние, традиционно применявшееся в подобных случаях. После получения этого рапорта еп. Феофил велел «к большому их утверждению в обращении к церкви в прошедший рождествен-

¹ Благочинный возглавлял благочиние, в которое входило несколько приходов и которое было частью епархии; архимандрит — настоятель монастыря.

ский пост по надлежащем приуготовлении исповедать и кои окажутся по исповеди духовника святого причастия достойны, тех приобщить святых тайн» (там же), и впредь за ними строжайше наблюдать, чтобы они опять не уклонились от благочестия. Однако, забегая вперед, скажем, что через непродолжительное время все они вернулись «на прежняя пустоты».

В череде душеспасительных бесед и допросов последнюю точку ставил епархиальный архиерей¹. В XVIII в. духоборцев лично допрашивали и увещевали еп. Тверской, а потом митр. Новгородский и С-Петербургский Гавриил, еп. Воронежский Тихон, митр. Московский Платон, архиеп. Словенский Никифор, архиеп. Екатеринбургский Амвросий, еп. Тамбовский Феодосий, еп. Белгородский Феокист. Некоторые из них многократно встречались с духоборцами.

В делопроизводственной документации духовных ведомств тексты увещеваний отсутствуют. Единственным сохранившимся является увещевание духоборцев, которое в 1792 г. по заданию митр. Гавриила делал привезенным в Петербург трем духоборцам Больших Проходов — братьям Аникею, Тимофею Сухаревым и Михайле Щинову — ректор Невской семинарии архим. Иннокентий (РГИА 9: 3–8 об.).

Судя по упоминаниям, существовали словесные и сочиненные увещевания (РГИА 4: 13 об.). Словесные должны были произноситься духовными особами во время их бесед с вероотступниками, но поскольку образованных священников, способных самостоятельно составить такой текст, не хватало, то обычной была практика, когда готовые тексты присылали из Синода или консистории, а увещеватели, особенно если это были рядовые священники, их просто зачитывали. Поскольку главным врагом Церкви были старообрядцы, то и тексты составлялись соответствующего содержания. В 1782 г. духоборец Козьма Турцов из с. Подгорное Гваздынской округи Тамбовской губ. был допрошен священником и дьяконом по месту жительства, «а по допросу при прочтении состоявшегося 1722 года июля 21 дня святейшего правительствующаго Синода увещевания показал <...>» (ГАТО 3: 1). Видимо, никакого другого подходящего текста под рукой в тот момент не оказалось.

Источники и материалы

Высоцкий 1914 — Высоцкий Н. Г. Новые материалы из ранней истории духоборческой секты // Русский архив. 1914. № 1. С. 66–86.

ЖК 1909 — Животная книга духоборцев / Сост. В. Д. Бонч-Бруевич. СПб., 1909.

Общее приложение 13948 — Общее приложение к томам Полного собрания законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 40. № 13948 от 19 февраля 1773 г.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е.

ГАВО — Государственный архив Воронежской области. Ф. 84. Оп. 1. Д. 940.

ГАТО 2 — Ф. 68. Оп. 2. Д. 520.

ГАТО 3 — Ф. 1042. Оп. 2. Д. 335.

РГАДА 1 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2287, 2521, 3071.

РГАДА 2 — Ф. 10. Оп. 1. Д. 506.

РГАДА 3 — Ф. 248. Оп. 113. Д. 309.

РГАДА 4 — Ф. 447. Оп. 1. Д. 1337, 1405.

Об этом говорилось в указе 1753 г. «Об отсылке обличенных в расколе донских казаков для изследовани к епархиальному архиерею». Его преосвященство должен был «о всем принадлежащем *наикрепчайшее изследовать*, и по изследовании рассмотрение и решение учинить» (ПСЗ 10.118).

- РГИА 2 — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 57. Д. 423.
РГИА 3 — Ф. 796. Оп. 59. Д. 98.
РГИА 4 — Ф. 796. Оп. 67. Д. 189.
РГИА 5 — Ф. 796. Оп. 72. Д. 15.
РГИА 6 — Ф. 796. Оп. 73. Д. 328.
РГИА 8 — Ф. 797. Оп. 1. Д. 1162.
РГИА 9 — Ф. 797. Оп. 87. Д. 32.
ЦГИАУ 1 — Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 1726, 2436.
ЦГИАУ 2 — Ф. 1949. Оп. 1. Д. 495.
ЦГИАУ 3 — Ф. 1994. Оп. 1. Д. 164.
ЦГИАУ 4 — Ф. 2005. Оп. 1. Д. 18.
ЦГИАУ 6 — Ф. 2109. Оп. 1. Д. 41.

Научная литература

- Иникова С. А. Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVIII века // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 1997. Вып. 1. С. 39–53.
Иникова С. А. Донские казаки-духоборцы в архангельской ссылке // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 217–237. <https://doi.org/10.31857/S086954152301013X>
Попов А. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. 516 с.

References

- Inikova, S. A. 1997. Tambovskie dukhobortsy v 60-e gody XVIII veka [Tambov Doukhobors in the 60^s of the 18th Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria, Gumanitarnye nauki* 1: 39–53.
Inikova, S. A. 2023. Donskie kazaki-dukhobortsy v arkhangel'skoi ssylke [Don Cossacks-Doukhobors in Arkhangelsk exile]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 217–237. <https://doi.org/10.31857/S086954152301013X>
Popov, A. 1904. *Sud i nakazanie za prestupleniia protiv very i npravstvennosti po russkomu pravu* [Trial and Punishment for Crimes Against Faith and Morality under Russian Law]. Kazan. 516 p.